

И ОПЯТЬ О «БОЛЕВЫХ ТОЧКАХ» КАТЕГОРИИ ВИДА*

© 2018

Виктор Самуилович Храковский

Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург,
199053, Российская Федерация; khrakovv@gmail.com

Статья содержит ответ на критические замечания относительно моей концепции формального статуса категории вида в русском языке, которые были высказаны в работе Е. В. Горбовой «Русское видообразование: словоизменение, словоклассификация или набор квазиграммем? (еще раз о болевых точках русской аспектологии)», напечатанной в журнале «Вопросы языкознания» (2017. №1. С. 24—52). Кроме того, статья содержит дополнительные аргументы в пользу словоклассифицирующей трактовки русского вида.

Ключевые слова: вид, глагол, словоизменяемая категория, словоклассифицирующая категория

ASPECT'S "SORE POINTS" REVISITED ONCE MORE

Viktor S. Xrakovskij

Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg,
199053, Russian Federation; khrakovv@gmail.com

The paper addresses critical comments regarding my concept of the formal status of aspect in Russian voiced in a recent article by Elena V. Gorbova entitled "Aspectual formation of Russian verbs: inflection, derivation, or a set of quasigrammemes? ('sore points' of Russian aspectology revisited)", which appeared in *Voprosy jazykoznanija* (2017. No. 1. Pp. 24—52). Additional arguments for the word-classifying nature of the Russian aspect are provided.

Keywords: aspect, verb, inflectional category, word-classifying category

Вводные замечания

В этой статье я хочу вернуться к обсуждению болевых точек категории вида, начатому мной в работе [Храковский 2015] и продолженному в работе [Горбова 2017]. Отправным пунктом, вокруг которого развернулась дискуссия, стал вопрос о формальном статусе категории вида в русском языке. Напомню в этой связи некоторые из исходных положений статьи [Храковский 2015], которые подверглись критическому анализу в статье [Горбова 2017].

«Видообразование происходит с помощью двух деривационных морфологических механизмов: префиксального и суффиксального. Благодаря префиксальному механизму, который реализуется с помощью целого ряда приставок, от исходных морфологически неизменяемых глаголов НСВ (типа *писать*, *жить*, *петь*), чье аспектуальное значение детерминируется акциональным классом, к которому относятся эти глаголы, образуются производные глаголы СВ (типа *на-писать*, *за-писать*, *про-писать*,

* Я благодарю коллег А. Барентсена, С. Ю. Дмитренко, Н. Н. Казанского и А. К. Оглоблина, прочитавших рукопись этой статьи и сделавших ряд полезных замечаний, которые я постарался учесть при подготовке рукописи к печати. Разумеется, ответственность за публикуемый текст несет только автор.

пере-писать; *на-жить*, *за-жить*, *про-жить*, *пере-жить*; *на-петь*, *за-петь*, *про-петь*, *пере-петь*). При этом в отдельных случаях, не детерминируемых какими-либо ясными правилами, некоторые производные глаголы СВ выступают в роли видовых партнеров исходных глаголов НСВ. Такую пару, например, составляют глаголы *писать* (НСВ) и *написать* (СВ).

Благодаря суффиксальному механизму, который реализуется с помощью всего двух суффиксов (-*и/ы*)-*ва*- и -*а*-), от производных глаголов СВ в свою очередь образуются производные глаголы НСВ (типа *запис-ыва-ть*, *пропис-ыва-ть*, *перепис-ыва-ть*; *напе-ва-ть*, *запе-ва-ть*, *пропе-ва-ть*, *перепе-ва-ть*, *обуч-а-ть*), т. н. вторичные имперфективы, которые относительно регулярно, хотя, возможно, и не всегда, являются видовыми партнерами своих исходных глаголов СВ»¹ [Храковский 2015: 306—307].

Благодаря наличию указанных деривационных механизмов в литературе были выдвинуты три различные трактовки формального статуса категории вида:

1. Вид — грамматическая, т. е. словоизменительная категория. При таком подходе как видовые квалифицируются и пары: глагол СВ (производный перфектив) — глагол НСВ (вторичный имперфектив) типа *записать* — *записывать*, и пары: глагол НСВ (первичный имперфектив) — глагол СВ (производный перфектив) типа *писать* — *написать*;

2. Вид — словоклассифицирующая (словообразовательная) категория, в рамках которой объединение двух глаголов разного вида в пару не означает автоматического признания их формами одной лексемы. Видовыми считаются как пары: глагол НСВ (первичный имперфектив) — глагол СВ (производный перфектив) типа *писать* — *написать*, так и пары: глагол СВ (производный перфектив) — глагол НСВ (вторичный имперфектив) типа *записать* — *записывать*;

3. Вид в русском языке — своего рода гибридная категория, видовые пары: глагол НСВ (первичный имперфектив) — глагол СВ (производный перфектив) типа *писать* — *написать* — относятся к словоклассифицирующей категории вида, тогда как пары: глагол СВ (производный перфектив) — глагол НСВ (вторичный имперфектив) типа *записать* — *записывать* — образуют грамматическую словоизменительную категорию вида, ср. [Храковский 2015: 307].

1. Словоизменительная концепция вида в трактовке Е. В. Горбовой

В статье [Храковский 2015] я счел адекватной трактовку вида как словоклассифицирующей категории, а Е. В. Горбову отнес к числу тех лингвистов, которые рассматривают вид как гибридную категорию. Однако в работе [Горбова 2017] Елена Викторовна уточнила свою теоретическую позицию. Теперь она последовательно придерживается трактовки вида как грамматической словоизменительной категории, которая ограничивается только парами глагол СВ (производный перфектив) — глагол НСВ (вторичный имперфектив) типа *от-крыть* — *от-кры-ва-ть*, *за-писать* — *за-пис-ыва-ть*, *за-дать* — *за-да-ва-ть*. Первичные имперфективы типа *крыть*, *писать*, равно как и первичные перфективы типа *дать*, в категорию вида не входят. Не входят в категорию вида и производные глаголы СВ типа *на-от-кры-ва-ть*, *на-за-пис-ыва-ть*, *по-на-за-пис-ыва-ть*, *на-за-да-ва-ть*. Фактически и те и другие непарные одновидовые глаголы имеют общие функциональные и сочетаемостные свойства с парными глаголами, образующими категорию вида, но тем не менее остаются за рамками этой категории. Эту концепцию Е. В. Горбова представила в виде следующей таблицы [Горбова 2017: 28].

¹ С помощью этого механизма производные глаголы НСВ образуются и от морфологически непродных глаголов СВ, ср.: *дать* → *да-ва-ть*, *обмануть* → *обман-ыва-ть*.

Таблица

**Префиксальные и беспрефиксные морфологические формы русского глагола
в их соотношении с видовой парностью**

Симплексы		Видовая пара = формы одной лексемы: (префигированный) СВ ~ НСВ ₂	Перфективный дериват, не допускающий имперфективации
НСВ ₁	<i>крыть</i>	<i>от-крыть</i> ~ <i>от-кры-ва-ть</i>	<i>на-от-кры-ва-ть</i>
	<i>писать</i>	<i>за-писать</i> ~ <i>за-пис-ыва-ть</i>	<i>на-за-пис-ыва-ть</i> , <i>по-на-за-пис-ыва-ть</i>
СВ ₁	<i>дать</i>	<i>за-дать</i> ~ <i>за-да-ва-ть</i>	<i>на-за-да-ва-ть</i>

Принимая к сведению данную концепцию, прежде всего заметим, что в ней остается неясным формальный статус двух групп перфективов, образованных от исходных имперфективов. В первую группу входят перфективы типа *написать*, *построить*, которые, не имея в современном русском языке производных вторичных имперфективов, могут претендовать на статус видовых партнеров к производящим имперфективам типа *писать*, *строить*, а во вторую входят перфективы типа *зарезать*, *проворчать*, которые не претендуют на статус видовых партнеров к производящим имперфективам типа *резать*, *ворчать*, но и не образуют производных вторичных имперфективов. И те и другие принципиально отличаются от производных глаголов СВ типа *на-от-кры-ва-ть* тем, что могли бы иметь соотносительные вторичные имперфективы. К стати говоря, давно замечено, что видовые пары типа *писать* — *написать* сформировались в XVIII—XIX вв. в результате выпадения стандартного вторичного имперфектива *написывати* из деривационной цепочки *писати* → *написати* → *написывати*, см. [Силина 1982; Rönkä 2015]. Подобные примеры, в частности, свидетельствуют о том, что наряду с потенциями появления новых вторичных имперфективов типа *разбудить* от перфективов типа *разбудить*, формальный статус которых в этой концепции остался неопределенным, реально существует и обратный процесс выпадения существующих вторичных имперфективов типа *написывать* из системы языка.

Концепция категории вида, предложенная Е. В. Горбовой, которая, по ее словам, основывается на идеях Ю. С. Маслова, А. В. Исаченко и С. И. Карцевского [Горбова 2017: 26]², на наш взгляд, заметно отличается от обычной трактовки этой категории. Если я не ошибаюсь, принято считать, что категория вида охватывает без исключения все глаголы. Вспомним в этой связи хорошо известную Е. В. Горбовой формулировку Ю. С. Маслова [2004: 328]: «Для языков, имеющих грамматическую категорию вида, характерен тотальный охват этой категорией всей глагольной лексики. Однако прямое парадигматическое противопоставление видовых форм в пределах одной лексемы обычно наблюдается не у всех глаголов, а лишь у значительной их части». Соответственно, глаголы делятся на три класса: парные глаголы типа *писать* — *написать*, *записать* — *записывать*, непарные глаголы НСВ типа *лежать* и непарные глаголы СВ типа *хлынуть*, *показаписать*. В обсуждаемой концепции категория вида является не общеглагольной, а охватывает только парные глаголы: глагол СВ (исходный перфектив) — глагол НСВ (производный вторичный имперфектив) типа *записать* — *записывать*. Все остальные глаголы, которые в категорию вида не входят, тем не менее обладают теми же функциональными и сочетаемостными свойствами, что и глаголы, которые входят в категорию вида. Тем самым они фактически принципиально не отличаются от глаголов, которые входят в категорию вида.

В рамках категории вида перфектив обозначает событие, см. ниже примеры (1a)—(2a), а имперфектив, сохраняя лексическое значение и валентность производящего глагола,

² С. И. Карцевский действительно относил к категории вида только пары типа *выиграть* — *выигрывать*, однако он не считал вид словоизменительной категорией. По его словам, «образование видов полностью основывается на отглагольной деривации, представляя собой не что иное, как частный случай глагольного словообразования в целом» [Карцевский 1962: 219].

меняет только его акциональную характеристику, т. е. всегда может обозначать мультиплицированное событие, ср. (1б)—(2б), а если событие не моментальное, то может также обозначать процессную составляющую (срединную фазу) этого события, см. (2в). Иными словами, можно говорить о стандартном имперфективном значении.

- (1) а. *Петя пришел к нам вечером.*
 б. *Петя обычно приходит к нам по вечерам.*
- (2) а. *Петя вечером просмотрел газеты.*
 б. *Петя по вечерам просматривает газеты*
 в. *Сейчас Петя просматривает газеты.*

Заметим в связи со сказанным, что тезис об однотипном изменении акциональной характеристики при переходе от перфектива к вторичному имперфективу, т. е. о том, что имперфектив может обозначать только процессную составляющую (срединную фазу) события, выражаемого исходным перфективом, является неточным. Уже в работе [Булыгина, Шмелев 1997] было показано, что между членами видовых пар ментальных глаголов типа *вспомнить* — *вспоминать*, *узнать* — *узнавать* существуют различные аспектуальные отношения, отличающиеся от называемого Е. В. Горбовой.

Рассмотрим, например, парные глаголы *вспомнить* — *вспоминать*. Ситуация, обозначаемая глаголом *вспомнить*, — это событие, которое либо представляет собой результат агентивного, но не в полной мере контролируемого процесса воспоминания, см. пример (3), либо возникает спонтанно, независимо от воли и желания вспомнившего человека, который в этом случае выступает не в роли агенса, а в роли экспериенцера, см. пример (4):

- (3) *Федор Филатович долго искал для его деятельности подходящее слово и наконец вспомнил английское «waste» [И. Грекова. Фазан (1984)]³.*
- (4) *Веселости Александру Сергеевичу придавало и то обстоятельство, что он вдруг вспомнил о своем старом лицейском товарище Константине Данзасе [Владислав Отрошенко. Эссе из книги «Тайная история творений» // «Октябрь», 2001].*

Ситуация, обозначаемая глаголом *вспоминать*, представляет собой агентивный и в какой-то мере контролируемый процесс, требующий для своего осуществления затрат энергии.

- (5) *Сидит себе Бочкин на диванчике, любуется кружечками и вспоминает: в этом городе из-за плохой погоды времени потеряли уйму, в этом поклонницы прохода не давали, а в этом музей был потрясающий [Наталья Склярова. Если бы у медведя было ружье (2002) // «Вечерняя Москва», 2002.02.07].*

Однако, поскольку процесс восстановления в памяти информации является не вполне контролируемым, ранее бывшую в памяти информацию не всегда удается восстановить полностью:

- (6) *Она уже с трудом вспоминала то время, когда все было иначе [Анна Берсенева. Полет над разлукой (2003—2005)].*

Отдельных комментариев заслуживают примеры типа:

- (7) *Сколько уж я тебе написал, а ты все молчишь, да так многозначительно, что я невольно вспоминаю твои слова насчет того, что в начале было не слово и не дело, а было в начале молчание [Б. Б. Вахтин. Письма самому себе (1967) // «Звезда», 2005].*

³ Примеры даются по [НКРЯ].

Соответствующие комментарии даны в работе [Булыгина, Шмелев 1997: 155], где сказано, что «здесь речь идет не о процессе (тем более не о ментальной деятельности, на что указывает слово *невольно*), а о “пунктирной” последовательности событий, разъединенных малыми интервалами».

Не останавливаясь подробно на этой проблеме и отсылая читателя в этой связи к работе [Храковский 2016], заметим, что наличие различных аспектуальных отношений между членами пар перфектив — вторичный имперфектив делает уязвимым представление о словоизменительной природе отношений между членами таких пар. Об этом же свидетельствуют и случаи, которые подробно рассмотрены в работе [Храковский 2015], когда исходный перфектив и производный вторичный имперфектив являются разными лексемами.

(8) а. — *Ирина ничего не понимала. Джамал замолчал* [Токарева Виктория. Своя правда // «Новый Мир», 2002].

б. *Поскольку партийная дисциплина свята, КПРФ эти проблемы тщательно замалчивает, то есть не выносит сор из избы* [Александр Тарасов. Левая сцена в России в начале XXI века (2003) // «Неприкосновенный запас», 2003.09.12].

Параллельное существование словоизменительной категории вида, которую образуют пары перфектив — вторичный имперфектив, а также непарных «одновидовых» глаголов НСВ и СВ, не входящих в категорию вида, и непарных глаголов СВ, которые потенциально могут иметь производные глаголы НСВ (вторичные имперфективы), составляет суть данной концепции. На наш взгляд, в рамках словоизменительной трактовки категории вида подход, при котором эта категория охватывает все глаголы, а деление глаголов на парные и различные непарные происходит внутри категории, является теоретически более оправданным, а практически более удобным.

2. О лексикализации или деграмматизации грамматической формы

Комментируя приводимые мною примеры типа *заиграть* — *заигрывать*, *замолчать* — *замалчивать*, когда у перфектива и вторичного имперфектива разные лексические значения, что противоречит словоизменительной трактовке категории вида, Е. В. Горбова [2017: 32] говорит о том, что «отсутствие стандартного семантического соотношения между префигированным СВ и НСВ₂ является следствием лексикализации (деграмматизации) грамматической формы». В обоснование этого тезиса она, однако, ссылается не на примеры лексикализации грамматической формы других глагольных словоизменительных категорий, у которых такого явления, очевидно, нет, а на субстантивную категорию числа. В частности, приводятся хорошо известные конкретные примеры лексикализации типа *час* ‘промежуток времени’ — *часы* ‘прибор для измерения времени’. Любопытна формулировка этой категории, «(которую ⟨...⟩ большинство лингвистов, включая авторов академической грамматики, см. [РГ-80: § 1147], продолжает считать словоизменительной)», приводимая Е. В. Горбовой [2017: 32]. Смысл сказанного, на мой взгляд, заключается в том, что существуют и лингвисты, которые считают иначе. И это действительно так. Ряд лингвистов считает эту категорию словообразовательной. К их числу относился, например, Н. Н. Дурново [2010: 83], который в своем «Грамматическом словаре» называет категорию числа «формой словообразования».

Замечу, что трактовка форм числа как разных слов поддерживается типологически. Приведу в этой связи пример из арабского литературного языка. В этом языке, например, неодушевленному имени м. р. ед. ч. типа *LiSaaN-u-n* ‘язык’ во мн. ч. соответствует слово *'aLSiN-at-u-n* ‘языки’, которое формально является словом ед. ч. ж. р.⁴

⁴ Заглавные буквы обозначают корень слова, *u-* показатель номинатива, *n-* неопределенный артикль, *at-* показатель ж. р.

Если согласиться с тем, что категория числа имени является словообразовательной и тем самым словоклассифицирующей, тогда не требует дополнительных объяснений отмеченное сходство категории вида глагола и категории числа имени в их способности к лексикализации, поскольку и та и другая категория не являются словоизменительными.

Мотивируя отсутствие стандартных словоизменительных значений у «лексикализованных» вторичных имперфективов (НСВ₂) Е. В. Горбова [2017: 32] высказывает следующее соображение: «При лексикализации, то есть закреплении такого нестандартного значения за одной из видовых форм (здесь формой НСВ₂), использование той же словоформы в стандартном словоизменительном значении (в нашем случае — значении имперфектива, прогрессива или итератива) может быть прагматически затруднено, поскольку говорящий, желая быть однозначно понятым, стремится избежать ее использования». Безусловно, эта гипотеза, как и всякая другая, имеет право на существование, однако я не уверен, что она достаточно обоснована. Во всяком случае, в категории числа, с которой сравнивается категория вида, дело обстоит иначе. Так, например, и лексикализованная форма *часы*, и нелексикализованная форма мн. ч. *часы* употребляются свободно без всяких ограничений, см. (9) и (10), т. е. у говорящего нет никаких затруднений с использованием и той и другой формы.

- (9) *Талантлива, очаровательна, но спроси ее который час — посмотрит на часы и оверет* [Вадим Крейд. Георгий Иванов в Йере // «Звезда», 2003].
- (10) *Он страстный любитель рыбной ловли, посвящающий ей многие часы и дни своей жизни* [Илья Петрусенко. Я вдыхаю ветер воли... // «Народное творчество», 2003].

Завершая обсуждение проблемы лексикализации / деграмматизации, хотелось бы обратить внимание на то, что в предлагаемой словоизменительной модели русского вида парадоксальным образом нет места для лексикализованных вторичных имперфективов. По логике модели все вторичные имперфективы без исключения вместе с исходными перфективами образуют словоизменительную категорию вида. Однако, когда вторичный имперфектив лексикализован, он выбывает из категории и становится одиночным глаголом НСВ, существование которых моделью Е. В. Горбовой вообще не предусмотрено.

3. Регулярно ли образование вторичных имперфективов?

Несомненно, понятие регулярности играет важную роль в теоретическом языкознании. Также несомненно, что это понятие не формализовано и что в принципе можно согласиться с процитированным Е. В. Горбовой высказыванием А. Ч. Пиперски, в соответствии с которым «отсутствие формальных критериев регулярности вовсе не означает, что это понятие не работает: как ни странно в такой ситуации, большинство лингвистов примерно одинаково понимает, какие явления считать регулярными, а какие нет. Из этого следует, что строгое определение регулярности должно лишь формализовать лингвистическую интуицию и грамматическую традицию» [Пиперски 2014: 125]. При этом (что очень важно) Е. В. Горбова, как и я, считает, что у регулярности «наличие четкого определенного порогового значения является удобным и желательным» [Горбова 2017: 35]. Очевидно, что это пороговое значение будет найдено, если мы расшифруем, какие процентные цифры скрываются за идеей А. А. Зализняка [2002: 25] о том, что «о наличии регулярности можно говорить, если не все, то хотя бы **подавляющее большинство** (выделено нами. — В. Х.) элементов некоторого класса словоформ образуется регулярно». Хотя, как справедливо пишет А. Ч. Пиперски [2014: 125], «большинство лингвистов примерно одинаково понимает, какие явления считать регулярными, а какие нет», в принципе возможны ситуации, когда пороговое значение должно быть установлено точно, хотя бы для того, чтобы лингвисты, анализирующие регулярность одного и того же явления, опирались на одни и те же процентные цифры порогового значения регулярности.

Похожая ситуация, на мой взгляд, как раз и существует при обсуждении вопроса о регулярном образовании вторичных имперфективов. Настаивая на том, что вторичные имперфективы образуются регулярно, мы забываем, что фактически имеем дело с двумя неизвестными. Первое неизвестное — это количество (точное или приблизительное) в русском литературном языке единиц класса тех перфективов, от которых потенциально могут быть образованы вторичные имперфективы. Второе неизвестное — (точное или приблизительное) количество единиц класса реально образуемых вторичных имперфективов, с учетом того, являются ли они видовыми партнерами исходных перфективов или представляют собой самостоятельные лексемы. Во всяком случае, если я не ошибаюсь, в работах Е. В. Горбовой таких данных нет, а без них говорить о том, что образование вторичных имперфективов регулярно или нерегулярно, не имеет смысла.

Надо, однако, признать, что получить такие данные совсем не просто, ибо пересчет всех перфективных лексем в ручном режиме представляет собой довольно длительную и трудоемкую работу. Но можно пойти и другим путем: пересчитать сначала вокабулы, а затем и лексемы формально ограниченного, относительно небольшого массива исходных перфективов, затем провести все необходимые операции, а полученные выводы экстраполировать на все множество исходных перфективных лексем, хорошо понимая, что выводы, полученные на ограниченном массиве данных, в принципе могут не совпадать с выводами, полученными на полном массиве данных, хотя такая возможность в данном случае представляется мне маловероятной.

Далее представлены результаты проведенного мной такого эксперимента. Для анализа были выбраны перфективы, образованные от исходных первичных имперфективов с помощью приставки *про-*. Выбор был произведен почти случайным образом. Никаких разумных оснований для выбора именно этой приставки из 21 приставки (из списка Янды — Горбовой), с помощью которых из первичных имперфективов образуются перфективы, у меня не было, если не считать того, что примеры с *про-*перфективами типа *Мимо пропылил грузовик* я использовал в работе, посвященной сопоставительному анализу «лексико-семантического» и «конструкционного» подходов к анализу конструкций [Храковский 2014].

В качестве источника выборки был взят «Словарь русского языка» под ред. А. П. Евгеньевой [МАС 1983]. Из него были выписаны все глаголы СВ, начинающиеся комбинацией букв *про*, которые и составили нашу первоначальную выборку. Сразу же скажу, что все толкования значений в словаре считались абсолютно верными и никаким исправлениям не подвергались, хотя некоторые из них, на мой взгляд, безусловно нуждались в исправлении. Иными словами, все высказанные мной соображения относительно значений лексем не столько мои собственные, сколько отражают точку зрения составителей словаря. Все приводимые цифровые данные, скорее всего, являются приблизительными, поскольку я мог на любом этапе ошибиться при ручном подсчете, однако думаю, что общая картина соотношения выделенных групп будет не слишком искажена.

Всего из словаря было выписано 555 вокабул перфективов, начинающихся с буквенной комбинации *про*. Среди этих вокабул было обнаружено шесть вокабул типа *пронять*, *простить*, у которых буквенная комбинация *про*, очевидно, является частью корня, а не приставкой, и они были изъяты из первоначальной выборки. Также в исходной выборке было обнаружено девять вокабул типа *проворонить*, *прошляпнуть*, у которых приставка *про-*, очевидно, присоединяется к именному корню одновременно с суффиксом глагольной основы *-и-*. Эти вокабулы также были изъяты из первоначальной выборки. После этих изъятий в выборке осталось 540 отглагольных *про-*перфективов.

Однако среди этих отглагольных перфективов оказалось 30 перфективов типа *провернуть*, *продать*, *продеть*, *промелькнуть*, *прошмыгнуть*, которые с помощью приставки *про-* образованы не от исходных имперфективов, а от исходных перфективов. Эти перфективы также были изъяты из первоначальной выборки. Таким образом, в выборку, которую составили вокабулы перфективов, образованные от первичных имперфективов, вошло 510 единиц.

Отметим, что в эту выборку вошли два *про*-перфектива, образованные от двух стандартных первичных имперфективов, которые, однако, в современном русском литературном языке уже вышли из употребления. Это, во-первых, перфектив *проникнуть*, который имеет следующую диахроническую деривационную историю: *проникнуть* ← *никнуть* ← *никнути* ‘вырастать’ русск.-ц.-слав. У этих глаголов есть соответствия в других славянских языках [Фасмер 1987: 74—75]. Во-вторых, это перфектив *провадить*, который имеет следующую деривационную историю: *провадить* ← *вадить* ← *вадити* ‘спорить, клеветать’ русск.-ц.-слав., диал. ‘манить’. У этих глаголов есть соответствия в других славянских языках [Фасмер 1986: 265—266]. Оба эти глагола были изъяты из первоначальной выборки.

В выборку также входят 14 *про*-перфективов с глагольным корнем отсутствующего стандартного имперфектива типа *прокусить*, *просмелять*, *проронить*, *проскочить*, *прошибить*. Эти глаголы также были изъяты из первоначальной выборки.

Таким образом, нашу рабочую выборку составили 494 вокабулы перфективов, произведенных из исходных имперфективов с помощью приставки *про*-. По количеству лексем, входящих в вокабулы, перфективы распределились следующим образом.

Однолексемных вокабул перфективов типа *пробурчать*, *прогрустить*, *прождать*, *прокиянуть*, *промолвить* 258 единиц.

Двулексемных вокабул перфективов 132 единицы. Это вокабулы типа *пробороздить* ‘1. прорезать, провести борозду (борозды), сделать, оставить след, подобный борозде, 2. пролечь глубокими линиями (о морщинах, складках и т. п.)’, *провалять* ‘1. подвергнуть обработке валияем, 2. в течение какого-л. времени валять’, *продолбить* ‘1. проделать отверстие, углубление в чем-л. путем последовательных частей ударов какими-л. инструментами, 2. долбить в течение какого-л. времени’.

Трехлексемных вокабул перфективов 68 единиц. Это вокабулы типа *прожить* ‘1. просуществовать, пробыть живым какое-л. время, 2. пробыть какое-л. время, живя где-л. или каким-л. образом, 3. издержать, израсходовать (деньги, средства) на существование’, *прокосить* ‘1. косьбой образовать свободное пространство среди чего-л., 2. тщательно скосить, выкосить (косой, косилкой), 3. косить в течение какого-л. времени’, *пролежать* ‘1. пробыть какое-л. время в лежачем положении, 2. пробыть какое-л. время без употребления, без применения, без внимания, 3. находясь длительное время в лежачем положении, отлежать (какую-л. часть тела)’.

Четырехлексемных вокабул перфективов 21 единица. Это вокабулы типа *прогореть* ‘1. пострадать от огня, выгореть до дыр, 2. сгореть совсем, догореть, превратиться в угли, 3. потерпеть неудачу в делах, обанкротиться, разориться, 4. пробыть горящим, зажженным в течение какого-л. времени’, *прожечь* ‘1. огнем, жаром, чем-л. едким образовать, проделать дыру, отверстие в чем-л., 2. пронизать, вызвав ощущение ожога, жжение, 3. заставить испытать какое-л. внезапное и острое ощущение, 4. очистить огнем’, *прокричать* ‘1. издать непродолжительный крик, 2. громко произнести, выкрикнуть что-л., 3. широко разгласить, сделать известным что-л., 4. кричать в течение какого-л. времени’.

Пятилексемных вокабул перфективов шесть единиц. Это вокабулы типа *проиграть* ‘1. потерять, лишиться чего-л. в игре, в результате игры (в карты, лото и т. п.), 2. потерпеть поражение в чем-л. (в игре, состязании, столкновении, споре и т. п.), 3. утратить что-л., лишиться каких-л. выгод, преимуществ или потерпеть ущерб от чего-л., 4. сыграть какое-либо музыкальное произведение или его часть, 5. провести какое-л. время, играя’, *прокатить* ‘1. катя, заставить продвинуться, 2. провезти кого-л., чтобы развлечь, доставить удовольствие, 3. отвергнуть, ответить на выборах, не избрать куда-л., забаллотировать, 4. подвергнуть резкой, уничтожающей критике (в печати, публичном выступлении и т. п.), 5. быстро проехать’.

Шестилексемных вокабул перфективов три единицы. Это вокабулы типа *потрубить* ‘1. дуть в трубу или другой подобный духовой инструмент, извлечь непродолжительные звуки, 2. звуком трубы (или другого подобного духового инструмента) дать сигнал о чем-л., 3. проговорить громко, как в трубу, 4. широко распространить, разгласить какие-л. слухи, сведения о ком-, чем-л., 5. в течение какого-л. времени трубить, 6. проработать, прослужить какое-л. время где-л., на какой-л. должности’.

Семилексемных вокабул перфективов одна единица. Это вокабула *прописать* '1. оформить официальной записью проживание кого-л. по определенному адресу, 2. назначить больному какое-л. лекарство, процедуру, лечение, 3. писать в течение какого-л. времени, 4. сделать пропись (в 3 знач.) на чем-л., 5. написать, сообщая что-л., 6. то же, что *пропечатать* (в 1 знач.), 7. наказать кого-л. за что-л. строгим выговором или телесно'.

Восьмилексемных вокабул перфективов одна единица. Это вокабула *пробить* '1. ударом (ударами) проломить, сделать отверстие в чем-л., 2. с трудом добиться осуществления, продвижения чего-л., 3. проложить, провести, проторить (дорогу, тропинку и т. п.), 4. проконопатить, 5. направить удар, бросок куда-л. во что-л., 6. ударами произвести непродолжительные звуки (стук, звон и т. п.), 7. издать звуки, отбить удары, 8. исполниться (о летах)'.

Девятилексемных вокабул перфективов одна единица. Это вокабула *провести* '1. ведя, помочь или заставить пройти, 2. двинуть, переместить что-л. по какой-л. поверхности, 3. прочертить, обозначить, 4. проложить, протянуть в определенном направлении, соорудить, построить что-л., имеющее протяженность, 5. предложить, выдвинуть, 6. записать, оформить, 7. осуществить, произвести что-л., 8. пробыть, прожить какое-л. время где-л. или каким-л. образом, 9. обмануть, перехитрить, одурачить'.

Десятилексемных вокабул перфективов одна единица. Это вокабула *пропустить* '1. посторонившись, дать дорогу кому-, чему-л. // позволить кому-л. войти или въехать, пройти или проехать куда-л. // дать возможность, позволить поступить куда-л., войти в состав кого-, чего-л. // разрешить к напечатанию, постановке и т. п., 2. оказавшись открытым, раздвинутым и т. п. дать проход, проезд кому-, чему-л. // дать пройти, просочиться сквозь себя чему-л., 3. обслужить в каком-л. количестве, 4. выпить или съесть что-л., 5. пройти, проехать, миновав, оставив позади // выбросить, не воспроизвести при чтении, исполнении, переписывании и т. п.; выпустить // сделать перерыв в каком-л. действии, не заниматься какое-л. время чем-л. // не явиться (на занятие, заседание и т. п.), 6. дать пройти чему-л., не воспользоваться чем-л.; упустить, 7. не заметить, не сделать чего-л. по невнимательности, прозевать, 8. заставить что-л., дать возможность чему-л. пройти, проникнуть через что-л. куда-л., 9. продеть, просунуть, 10. сказать, произнести, едва открыв рот'.

Двенадцатилексемных вокабул перфективов одна единица. Это вокабула *протянуть* '1. натянуть, растянуть на какое-л. расстояние, в каком-л. направлении, 2. вытягивая, выставить, выдвинуть в каком-л. направлении, 3. изготовить путем волочения, 4. обработать поверхность детали протяжкой, 5. протащить, продвинуть, заставить проехать, проплыть, 6. заставить длительно звучать, 7. проговорить медленно, протяжно, 8. промедлить с чем-л., продлить, затянуть, 9. прожить, просуществовать какое-л. время, не умирая, 10. пролететь (о птицах), 11. подвергнуть критике, осмеянию (в печати, публичном выступлении и т. п.), 12. ударить, стегнуть во всю длину чего-л.; вытянуть'.

Тринадцатилексемных вокабул перфективов одна единица. Это вокабула *пройти* '1. идя, совершить путь мимо кого-, чего-л. куда-л. или где-л. // идя, переместиться на какое-л. расстояние // идя, миновать, оставить позади // идя, пропустить нужное место, не остановиться, не повернуть там, где нужно, 2. пойти куда-л. к кому-л. на некоторое время, обычно ненадолго, 3. проехать, проплыть, пролететь (о средствах передвижения или на каком-л. из средств передвижения), // прозвучать, разноситься (о шуме, криках и т. п.); прокатиться, 4. выпасть (о непродолжительных осадках), 5. идя или двигаясь на чем-л., продвигаться через что-л., сквозь что-л., // просочиться, прорустить, пробиться, // двигаясь, обработать, 6. пролечь, протянуться в каком-л. направлении (о дороге, туннеле и т. п.), 7. оказаться принятым, зачисленным, избранным в результате голосования, отбора и т. п., 8. подвергнуть какой-л. обработке, какому-л. воздействию поверхность чего-л., 9. подвергнуться чему-л., испытать, вынести // пережить, испытать, претерпеть (какое-л. состояние или влияние чего-л.) // подвергнуться учету, проверке, рассмотрению, 10. протечь, миновать (о времени, событиях и т.п.) // состояться, совершиться, закончиться с каким-л. результатом, 11. выполнить, завершить какой-л. курс, закончить срок (обучения, лечения и т. п.), 12. изучить что-л. // прорепетировать, 13. прекратиться, кончиться // перестать ощущаться, исчезнуть // перестать болеть'.

К сделанным подсчетам можно добавить следующие комментарии.

Прежде всего отметим, что как будто бы не существует принципиальной зависимости между количеством лексем в вокабуле перфектива и возможностью образования вторичного имперфектива. В этом отношении лексем не зависят от вокабулы. В частности, есть однолексемные перфективы типа *провоевать*, у которых нет соотносительного вторичного имперфектива, и есть однолексемные перфективы, у которых вторичный имперфектив есть: *проверить* → *проверять*. Аналогично есть двухлексемные перфективы типа *прозвенеть*, у которых нет соотносительного вторичного имперфектива, и такие же перфективы, у которых вторичные имперфективы есть: *проест* → *проедать*. С увеличением числа лексем в вокабуле одни лексем могут иметь вторичные имперфективы, а у других их может не быть.

Далее оказалось, что однолексемные вокабулы (258 единиц) составляют примерно половину нашей рабочей выборки (494 единицы). Кроме того, выяснилось, что прибавление одной лексем в вокабулу уменьшает примерно вдвое-втрое количество вокабул с данным числом лексем. Иными словами, двухлексемных вокабул всего 132 единицы, трехлексемных вокабул — 69 единиц, четырехлексемных — 21 единица. При большем количестве лексем счет вокабул идет уже на единицы. Пятилексемных вокабул шесть единиц. Шестилексемных вокабул три единицы. Вокабул с большим числом лексем — по одной единице. Заметим однако, что у многолексемных вокабул типа *пробить*, *пройти* одна или несколько лексем относятся к числу широко употребительных.

Суммарное количество лексем всех 494 вокабул нашей рабочей выборки составляет 906 единиц. В принципе именно столько однолексемных имперфективов могло бы быть в рамках словоизменительной категории вида. Реально же оказалось 296 вокабул вторичных имперфективов, которые суммарно имеют 362 лексем. Иными словами, вокабул и лексем вторичных имперфективов вдвое-втрое меньше, чем вокабул и лексем перфективов в рабочей выборке. Это без учета того, сколько лексем вторичных имперфективов аспектуально не соотносятся с исходными перфективами. Если считать, что полученные цифры адекватно отражают общую тенденцию образования вторичных имперфективов в современном литературном русском языке, то можно ли при этих цифрах говорить о регулярном образовании вторичных имперфективов от перфективов при любом понимании термина «регулярность»? На наш взгляд, эти цифры не дают оснований говорить о регулярном образовании вторичных имперфективов и тем самым о наличии в русском языке словоизменительной категории вида.

Коль скоро от столь многих перфективов вторичные имперфективы, по данным словаря, не образуются, хотя, казалось бы, могли образоваться, естественно возникает вопрос о причинах подобного явления и о возможности формулирования правил, регламентирующих запрет на образование вторичных имперфективов. В этом плане я полностью согласен со следующей декларацией Е. В. Горбовой [2017: 38]: «Морфологическое явление, претендующее на статус словоизменительного, должно быть представлено в виде правила (системы правил), не только имеющего отношение к формообразовательному механизму, но и предлагающего экспликацию требований к единицам, поступающим на вход этого механизма. Проще говоря, правило должно описывать “мотивацию существующих запретов” [Храковский 2015: 329] для глаголов СВ, не способных подвергаться суффиксальной имперфективации». Исходя из презумпции, что «потенциально от каждого префигированного внутренним префиксом СВ единичным применением механизма суффиксальной имперфективации образуется НСВ₂», Е. В. Горбова в то же время считает, что причины реального запрета на образование НСВ₂, которые еще предстоит установить, «носят скорее прагматический (или, возможно, морфонологический), а не морфосинтаксический или семантический характер» [Горбова 2017: 39]. Действительно, вопрос о причинах реального запрета на образование вторичных имперфективов остается открытым, а предположение Горбовой о возможных его причинах, которое по сути исключает морфосинтаксические и семантические причины, базируется на словоизменительной модели категории вида.

В этой связи хочу обратить внимание на следующее обстоятельство. При анализе *про*-перфективов выяснилось, в частности, что вторичных имперфективов не образуют *про*-перфективы, которые обозначают негативно оцениваемые безрезультатные действия типа *прозевать, проморгать, прокараулить, проглядеть*. Это особенно бросается в глаза в том случае, когда вокабула перфектива содержит две лексемы, одна из которых имеет вторичный имперфектив (*просмотреть / просматривать письма*), а другая, обозначающая негативно оцениваемое безрезультатное действие, не имеет (*просмотреть / *просматривать ошибку*). Если в связи с этим фактом считать, что семантические запреты на образование вторичных имперфективов возможны и существуют, то это служит еще одним серьезным аргументом для того, чтобы считать вид словоклассифицирующей, а не словоизменительной категорией.

4. О других пунктах полемики

Одним из таких пунктов является трактовка конвенциональных биимперфективных троек типа *есть* → *съесть* → *съесть*, которые я рассматривал в работах [Храковский 2005; 2006; 2015] и которым посвящена большая литература. Должен сразу сказать, что наши расхождения с Е. В. Горбовой в этом вопросе не фактологические, а концептуальные. По ее словам, «представляется совершенно справедливым (мое. — В. Х.) утверждение относительно взаимного дополнения наиболее характерных для первичного и вторичного имперфективов наборов частных значений таким образом, что совместно они дают максимально возможный для НСВ ассортимент значений» [Горбова 2017: 40]. И далее: «При этом функционирование обоих имперфективов (в смысле сочетаемостных и иных особенностей, в частности в отношении к граммемам императива и прохибитива) действительно оказывается весьма сходным, а в некоторых случаях и идентичным (ср. с результатами исследования грамматических профилей [Janda, Lyashevskaya 2011])».

Расходимся мы лишь в характеристике формального статуса таких троек. Я полагаю, что «лексемы первичного и вторичного имперфективов в конвенциональных тройках можно рассматривать как варианты одной гиперлексемы и соответственно такие тройки не нарушают бинарный принцип устройства видовой системы» [Храковский 2015: 317], а Е. В. Горбова [2017: 40] выводит первичный имперфектив «за пределы наиболее грамматикализованного словоизменительного фрагмента русского вида». С ее точки зрения, о чем я уже писал выше, первичные имперфективы, таким образом, не входят в категорию вида, хотя имеют **одинаковые** функциональные и сочетаемостные свойства с видовыми формами вторичных имперфективов. Я с такой логикой, по которой формы с одинаковыми функциональными и сочетаемостными свойствами относятся к разным сущностям, согласиться не могу.

Еще одним пунктом, по которому, на первый взгляд, существует полемика, является вопрос о том, какая форма должна представлять глагол как лексическую единицу в словаре. В этом вопросе я опираюсь на лексикографическую практику, которая всегда представляла в словарях видовые корреляты СВ и НСВ как самостоятельные слова, хотя и указывала при каждом члене видовой пары и его видового партнера, если таковой имелся. В своей работе [Храковский 2015] я обратил внимание на то, что именно этот принцип положен в основу словаря А. А. Зализняка, который описывает особенности грамматической системы русского языка. В этом словаре «члены видовой пары глаголов рассматриваются как самостоятельные слова (каждое со своей парадигмой)» [Зализняк 1977: 6].

Что касается Е. В. Горбовой, то она, перечисляя различные случаи подачи глагола в словаре в рамках своей словоизменительной модели, фактически, не замечая этого, приходит к тому же результату. В самом деле, во-первых, она считает, что стандартно глагол в словаре должен представлять инфинитив исходного перфектива типа *переписать*. Во-вторых, глагол в словаре должен представлять инфинитив лексикализованного вторичного имперфектива типа *замалчивать*. Вместе с тем для удобства пользователя в словарь могут быть включены и инфинитивы вторичных имперфективов, имеющих стандартное значение. Кроме того, в словарь должны быть включены и первичные имперфективы типа *пить*, и первичные

перфективы типа *дать*, а также полипрефиксальные глаголы СВ типа *пораздавать*. Суммируя все перечисленные случаи и исходя из презумпции, что словари делаются для удобства пользователя, мы фактически приходим к выводу, что в подобных словарях члены видовой пары будут представлены как самостоятельные единицы.

Еще один пункт полемики касается моего предположения, что вид как словоклассифицирующая категория может комбинироваться в языке с видом как словоизменительной категорией, которое было проиллюстрировано материалом болгарского языка, где противопоставленные друг другу словоизменительные видовые формы прошедшего времени аорист и имперфект бывают как СВ, так и НСВ [Маслов 1984; Ницолова 2008]. Однако Е. В. Горбова считает, что речь в данном случае идет о комбинации двух словоизменительных аспектуальных категорий и приводит в качестве аналогичных комбинаций комбинации перфекта и прогрессива в английском языке и комбинации имперфекта (или аориста) и прогрессива в испанском языке. Приведенные факты из английского и испанского языков справедливы, комбинации различных аспектуальных граммем не редкость, однако СВ и НСВ в отличие от других аспектуальных категорий присущи не отдельным преимущественно финитным формам глагольной лексемы, а всем ее формам, благодаря чему категория вида в славянских языках, собственно говоря, и является словоклассифицирующей.

Заключительные замечания

Кроме полемики со мной, обсуждение которой я практически закончил, Е. В. Горбова посетовала, что я, очевидно, рассмотрел не все заслуживающие внимания аспектологические концепции, с чем я, безусловно, согласен, однако из таких концепций она уделила основное внимание работе [Герасимов 2015], которая, к слову сказать, опубликована в том же сборнике, что и моя статья, с которой полемизирует Е. В. Горбова, и я, естественно, не был с ней знаком до ее публикации. Однако теперь я могу высказать очень краткую предварительную ремарку по поводу этой любопытной работы. Ее основной тезис гласит: «... русский вид не является единой грамматической категорией, но складывается во взаимодействии (в смысле [Храковский 1990]) целого ряда (более десятка) различных категорий, большинство из которых являются квазиграммемами, состоящими в привативной оппозиции с собственным отсутствием, и имеют с точностью до алломорфии экспонент» [Герасимов 2015: 50]. Вместе с тем из числа более десятка предполагаемых категорий, из которых, по мнению Д. В. Герасимова, складывается русский вид, реально названы только имперфективатор *-ыва-* и префикс *-за*. Мне этих данных, к сожалению, недостаточно для того, чтобы дать полноценную оценку предлагаемой концепции.

В заключение я хотел бы выразить свою признательность Е. В. Горбовой за дискуссию, которая, на мой взгляд, подтвердила рациональность словоклассифицирующей трактовки русского вида. Что касается предположения Е. В. Горбовой о том, что аффиксальная (точнее суффиксальная) морфология противопоставлений типа *подписать* — *подписывать*, *задать* — *задавать* охватывает существенную часть глаголов русского языка, ср. [Горбова 2017: 46], то о его правомерности можно будет судить только после того, как будет (точно или приблизительно) подсчитано количество первичных перфективов и образованных от них вторичных имперфективов. Лишь тогда появится объективная возможность сделать вывод, насколько регулярно или, может быть, нерегулярно образуются вторичные имперфективы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Булыгина, Шмелев 1997 — Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М.: Языки русской культуры, 1997. [Bulygina T. V., Shmelev A. D. *Yazykovaya kontseptualizatsiya mira (na materiale russkoi grammatiki)* [Linguistic conceptualization of the world (based on the material of the Russian grammar)]. Moscow: Yazyki Russkoi Kul'tury, 1997.]

- Герасимов 2015 — Герасимов Д. В. Есть ли в русском языке категория вида? // Китадзэ М. (сост.). Аспектуальная семантическая зона: типология систем и сценарии диахронического развития. Сборник статей V Международной конференции Комиссии по аспектологии Международного комитета славистов. Киото: Ун-т Киото Сангэ, 2015. С. 49—53. [Gerasimov D. V. Is there a category of aspect in Russian? *Aspektual'naya semanticheskaya zona: tipologiya sistem i stsenarii diakhronicheskogo razvitiya. Sbornik statei V Mezhdunarodnoi konferentsii Komissii po aspektologii Mezhdunarodnogo komiteta slavistov*. Kitatze M. (comp.). Kyoto: Kyoto Sangyo Univ., 2015. Pp. 49—53.]
- Горбова 2017 — Горбова Е. В. Русское видообразование: словоизменение, словоклассификация или набор квазиграммем? (еще раз о болевых точках русской аспектологии) // Вопросы языкознания. 2017. № 1. С. 24—52. [Gorbova E. V. Aspectual formation of Russian verbs: Inflection, derivation, or a set of quasigramemes? ("sore points" of Russian aspectology revisited). *Voprosy jazykoznanija*. 2017. No. 1. Pp. 24—52.]
- Дурново 2010 — Дурново Н. Н. Грамматический словарь. Елец: ЕГУ им. И. А. Бунина, 2010. [Dumovo N. N. *Grammaticheskii slovar'* [A grammatical dictionary]. Elets: Elets State Bunin Univ., 2010.]
- Зализняк 1977 — Зализняк А. А. Грамматический словарь русского языка. М.: Русский язык, 1977. [Zalizniak A. A. *Grammaticheskii slovar' russkogo yazyka* [A grammatical dictionary of Russian]. Moscow: Russkii Yazyk, 1977.]
- Зализняк 2002 — Зализняк А. А. «Русское именное словоизменение» с приложением избранных работ по современному русскому языку и общему языкознанию. М.: Языки славянской культуры, 2002. [Zalizniak A. A. *«Russkoe imennoe slovoizmenenie» s prilozheniem izbrannykh rabot po sovremennomu russkomu yazyku i obshchemu yazykoznaniiu* ["Russian nominal inflection" with a supplement of selected works in modern Russian and general linguistics]. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2002.]
- Карцевский 1962 — Карцевский С. И. Вид //: Маслов Ю. С. (ред.). Вопросы глагольного вида. Москва: Изд-во иностранной литературы, 1962. С. 218—230. [Karcevskij S. J. Aspect. *Voprosy glagol'nogo vida*. Maslov Yu. S. (ed.). Moscow: Izd-vo Inostrannoi Literatury, 1962. Pp. 218—230.]
- МАС 1983 — Словарь русского языка. В 4-х тт. Т. 3. М.: Русский язык, 1983. [*Slovar' russkogo yazyka* [A dictionary of the Russian language]. In 4 vol. Vol. 3. Moscow: Russkii Yazyk, 1983.]
- Маслов 1984 — Маслов Ю. С. Очерки по аспектологии. Ленинград: Изд-во Ленинградского ун-та, 1984. [Maslov Yu. S. *Oчерki po aspektologii* [An outline of aspectology]. Leningrad: Leningrad Univ. Publ., 1984.]
- Маслов 2004 — Маслов Ю. С. Избранные труды. Аспектология. Общее языкознание. М.: Языки славянской культуры, 2004. [Maslov Yu. S. *Izbrannye trudy. Aspektologiya. Obshchee yazykoznanie* [Selected works. Aspectology. General linguistics]. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2004.]
- Ницолова 2008 — Ницолова Р. Българска граматика. Морфология. София: Университетско издателство «Св. Климент Охридски», 2008. [Nicolova R. B'lgarska gramatika. Morfologiya [The Bulgarian grammar. Morphology]. Sofia: St. Clement of Ohrid Univ. Publ., 2008.]
- НКРЯ — Национальный корпус русского языка. <http://www.ruscorpora.ru>. [*Natsional'nyi korpus russkogo yazyka* [Russian National Corpus]. Available at: <http://www.ruscorpora.ru>.]
- Пиперски 2014 — Пиперски А. Ч. К формализации понятия «регулярность» // Одиннадцатая конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей. Тезисы докладов. СПб.: Нестор-История, 2014. С. 125—127. [Piperski A. Ch. Towards formalization of the notion of regularity. *Odinnadsataya konferentsiya po tipologii i grammatike dlya molodykh issledovatelei. Tezisy dokladov*. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2014. Pp. 125—127.]
- РГ-80 — Русская грамматика: в 2 т. / Шведова Н. Ю. (гл. ред.). М.: Наука, 1980. [*Russkaya grammatika* [The Russian grammar]: in 2 vol. Shvedova N. Yu. (ed.). Moscow: Nauka, 1980.]
- Силина 1982 — Силина В. Б. История категории глагольного вида // Аванесов Р. И., Иванов В. В. (ред.). Историческая грамматика русского языка. Морфология. М.: Наука, 1982. С. 158—279. [Silina V. B. History of the verbal aspect category. *Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka. Morfologiya*. Avanesov R. I., Ivanov V. V. (eds.). Moscow: Nauka, 1982. Pp. 158—279.]
- Фасмер 1986 — Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. I. М.: Прогресс, 1986. [Vasmer M. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka* [A Russian etymological dictionary]. Vol. I. Moscow: Progress, 1986.]
- Фасмер 1987 — Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. III. М.: Прогресс, 1987. [Vasmer M. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka*. Vol. III. Moscow: Progress, 1987.]
- Храковский 1990 — Храковский В. С. Взаимодействие грамматических категорий глагола: опыт анализа // Вопросы языкознания. 1990. № 5. С. 18—36. [Xrakovskij V. S. Interaction of grammatical categories of the verb // *Voprosy jazykoznanija*. 1990. No. 5. Pp. 18—36.]

- Храковский 2005 — Храковский В. С. Аспектуальные тройки и видовые пары // Русский язык в научном освещении. 2005. № 9. С. 46—59. [Xrakovskij V. S. Aspectual triples and aspectual pairs. *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii*. 2005. No. 9. Pp. 46—59.]
- Храковский 2006 — Храковский В. С. Аспектологические заметки // Филология. Русский язык. Образование. Сборник статей, посвященных юбилею проф. Л. А. Вербицкой. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006. С. 202—213. [Xrakovskij V. S. Aspectological notes. *Filologiya. Russkii yazyk. Obrazovanie. Sbornik statei, posvyashchennykh yubileyu prof. L. A. Verbitskoi*. St. Petersburg: St. Petersburg State Univ. Publ., 2006. Pp. 202—213.]
- Храковский 2014 — Храковский В. С. Два подхода к анализу синтаксических конструкций: «лексико-семантический» и «конструкционный» (опыт сопоставления) // Acta linguistica petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. Т. X. Ч. 2. СПб.: Наука, 2014. С. 25—40. [Xrakovskij V. S. Two approaches to the analysis of syntactic constructions: “A lexical-semantic” approach and “a constructional” approach (an attempt of comparison). *Acta linguistica petropolitana. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovaniy*. Vol. X. Part 2. St. Petersburg: Nauka, 2014. Pp. 25—40.]
- Храковский 2015 — Храковский В. С. Категория вида в русском языке: болевые точки // Китадзэ М. (сост.). Аспектуальная семантическая зона: типология систем и сценарии диахронического развития. Сборник статей V Международной конференции Комиссии по аспектологии Международного комитета славистов. Киото: Ун-т Киото Сангэ, 2015. С. 306—318. [Xrakovskij V. S. The category of aspect in Russian: “Sore points”. *Aspektual'naya semanticheskaya zona: tipologiya sistem i stsenarii diakhronicheskogo razvitiya. Sbornik statei V Mezhdunarodnoi konferentsii Komissii po aspektologii Mezhdunarodnogo komiteta slavistov*. Kitatze M. (comp.). Kyoto: Kyoto Sangyo Univ., 2015. Pp. 306—318.]
- Храковский 2016 — Храковский В. С. Глаголы памяти: семантика, прагматика, синтаксис // Русский язык в научном освещении. 2016. № 2. С. 9—31. [Xrakovskij V. S. Verbs of memory: Semantics, pragmatics, syntax. *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii*. 2016. No. 2. Pp. 9—31.]
- Janda, Lyashevskaya 2011 — Janda L. A., Lyashevskaya O. Aspectual pairs in the Russian National Corpus. *Scando-Slavica*. 2011. Vol. 57. No. 2. Pp. 201—215.
- Rõnkā 2015 — Rõnkā R. Данные истории языка в становлении функциональной модели имперфективации // Китадзэ М. (сост.). Аспектуальная семантическая зона: типология систем и сценарии диахронического развития. Сборник статей V Международной конференции Комиссии по аспектологии Международного комитета славистов. Киото: Ун-т Киото Сангэ, 2015. С. 235—240. [Rõnkā R. The data of language history in formation of the functional model of imperfectivization. *Aspektual'naya semanticheskaya zona: tipologiya sistem i stsenarii diakhronicheskogo razvitiya. Sbornik statei V Mezhdunarodnoi konferentsii Komissii po aspektologii Mezhdunarodnogo komiteta slavistov*. Kitatze M. (sost.). Kyoto: Kyoto Sangyo Univ., 2015. Pp. 235—240.]

Получено / received 28.07.2017

Принято / accepted 12.09.2017